

18+

Ирина Таянова

*Надломленная
верба*

историческая повесть

Ирина Гаюнова

**Надломленная верба.
Историческая повесть**

«Издательские решения»

Гаюнова И. В.

Надломленная верба. Историческая повесть / И. В. Гаюнова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517719-3

О нелёгкой судьбе моей бабушки, Лапковской Валентины Станиславовны,
с четырнадцати лет испытавшей на себе страх и боль от репрессий и
преследований.

ISBN 978-5-00-517719-3

© Гаюнова И. В.
© Издательские решения

Содержание

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ	6
Часть 1	7
Воспоминания	7
Глава 1	8
Детство	8
Глава 2	11
Переселение в Сибирь семьи Татаржицких	11
Глава 3	13
Переселение в Сибирь семьи Лапковских	13
Глава 4	15
Изгнание	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Надломленная верба Историческая повесть

Ирина Владимировна Гаюнова

© Ирина Владимировна Гаюнова, 2020

ISBN 978-5-0051-7719-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ « НАДЛОМЛЕННАЯ ВЕРБА »

Гнули вербу ветры ненастья,
Корчили бедную с самого детства.
Не поддалась, не растратила счастья
И от беды не ударилась в бегство.
Перетерпела, сжав зубы студёные,
Переборола страх ненавистный,
Жизнь прожила незащищённая,
Хоть надломили вербу, но ветвистую.
Ветви её – это дети любимые,
Нежные поросли – внучики милые;
Всем отдавала тепло безгранично —
В каждом живёт её сердца частичка.

Часть 1

Воспоминания

Глава 1

Детство

– ВАЛЬКА! ЗАБЕРИ МЕНЯ С СОБОЙ! – Лошадь, подбадриваемая кнутом, набирала скорость, и колеса телеги скрипели со страшной силой, унося девочку всё дальше от родных её сердцу людей.

– Валька!... Валька!... забери меня с собой! ... – этот крик и потом стоял в её ушах на протяжении всего дальнего пути, и сейчас, когда, стараясь догнать телегу, вслед бежал маленький, белокурый младший братик в одной холщовой рубашонке на худом тельце. И ещё его глаза, кажущиеся непомерно большими на заплаканном худом лице, неотрывно стояли у неё перед глазами. Сердце девочки билось в каком-то бессознательном ритме, не ощущая реальности происходящего, мысли путались, окунаясь в прошлое и переплетаясь с настоящим, не давали возможности понять, осмыслить, что произошло и что происходит сейчас. Милые мои, дорогие мои, увижу ли я вас когда-нибудь? – вдруг осознание того, что в её жизни должно что-то произойти, что-то неопределённое и тёмное, прорвалось потоком слёз и рыданием, вырвавшимся откуда-то изнутри худого угловатого тела. Она упала на дно телеги и долго плакала; никто не утешал её и не уговаривал, начиналась другая жизнь....

Ещё совсем недавно жизнь в их деревне Богдановка текла своим чередом. Шёл 1927 год. Последнее время жили они весело, две семьи в одной небольшой избе. Дом был пятистенный, около 45 квадратов. Первую половину, где была кухня, занимала их семья, а вторую, более светлую и просторную, брат отца, Эдуард, с семьей. Спали дети на печке, на полатах, на полу. Зимой кухня подогревалась ещё и железной печью. Матрацы на зиму набивались свежей соломой; укрывались самоткаными дерюгами, подушек на всех не хватало. Любила Валька в стужу залезть на прогретую печь, где хранилось зерно, и зарыться в тёплую сыпучую массу, подложив под голову валенок вместо подушки. Дядя Эдуард с женой и детьми спали на кроватях, но Вальку и её братьев и сестёр это не обижало: в тесноте, да не в обиде, ведь это было всё временно. Вообще – то дом этот принадлежал брату отца, Эдуарду, а жили они вместе потому, что свой дом отец отдал под местную школу, организованную в их деревне. А так как отец Вальки был грамотным, сам Бог велел ему так поступить, уж очень хотелось, чтобы дети его ходили в эту школу и получили достойное образование. В школе Валька училась с удовольствием. Все классы обучались в одной комнате: первые классы сидели на первых рядах, вторые на вторых, а третьи на третьих. Учитель был один. Оценок в то время не ставили, а писали «очень хорошо», «хорошо», «удовлетворительно» и «плохо».

Писали на грубой серой бумаге перьями. Чернилами служила крепко заваренная чага – берёзовый гриб. Бывало, мама Вальки, Леокадия, скажет: – «Дети, вставайте, повторяйте к школе». Тогда Валя и её брат Володя лезли греться на затопленную печь, так как в доме за ночь сильно выстужало, читали стихи или рассказ и, одевшись, с нетерпением бежали в школу.

Жили дружно, вели одно общее хозяйство, в праздники собирались семьями за одним большим столом. Еда была простой, но на редкость вкусной. Обязательно жарили сало, стряпали блины, драники, готовили картофельные каши. Мясом питались исключительно зимой. В зиму делали много домашней колбасы. В Великий пост семь недель постились, не ели мясного и молочного до Пасхи. Тогда питались овощами: парили в печи морковь, брюкву, картофель. Варили пиво и делали кулагу. Вальке больше всего нравились драники и каша из картофеля, запечённая в горшочке в печи, покрытая румяной корочкой. Это считалось

их национальным блюдом. Бывало, мать спросит у отца или детей – «Что будем есть?» Отец скажет: – «А давай сделаем печёнки и с капустным рассолом!» Всей семьёй хлебали жидкое из одной чашки, заедая свежеспечённым ржаным хлебом, и ничего вкуснее этой еды Валька не припоминала, и именно отчетливо в память врезалось то время, как самое настоящее и счастливое.

Валька вспомнила один забавный случай, запомнившийся ей на всю жизнь. После тяжёлой, холодной зимы, все с нетерпением ждали тепла, и, пришедшая весна полностью завладела природой и душевным состоянием каждого. Хотелось петь, хотелось вдыхать аромат просыпающейся природы, хотелось встать пораньше, чтобы прикоснуться к таинству рождения весеннего утра и услышать пение и щебетание птиц, которых было множество в лесах, окружающих родную деревню. Однажды таким утром, когда ещё было сумеречно, Валька проснулась раньше обычного и открыла глаза. По звукам поняла, что мать давно встала и хлопчет возле печи. Первые лучи солнца озарили стены тесной избы и стало так радостно, так хорошо от светлого и лучезарного надвигающегося утра. Состояние покоя вдруг охватило всё её тело, хотелось просто лежать и ни о чём не думать. «Дети, вставайте, пора на молитву», – вдруг прорвался сквозь тишину голос матери. Дети стали просыпаться и лучи солнца ласкали их своим прикосновением. Утро было на редкость необыкновенным и загадочным. Все послушно, потягиваясь, поднимались со своих спальных мест, умывались и, встав к образам на колени, повторяли за матерью произносимые ею молитвы. Она была очень строга, веровала в Бога и своим детям старалась привить католические основы веры, научить молиться и почитать Бога и дети всегда слушали её. Один отец в их большой семье относился к вере спокойно и терпеливо. Все дети были крещёные, для этого из Тобольска заказывали ксендза и, собравшись в доме дядюшки отца, Адама, молились богу, крестили детей. Из всех семей родственников Лапковских у них была самая большая семья – 9 душ. Станислава, самая старшая дочь, вышла замуж и жила в городе Омске. А их восемь, включая маленького трёхлетнего Павлика и Еву, которой исполнился годик, находилось под крылом матери и отца, от которых всегда исходила надёжность и любовь.

Вдруг резко дверь с шумом отворилась и утренний прохладный воздух обдал всех присутствующих. Появление дядюшки, конечно же, никого не удивило, так как он, как и их отец, очень рано уходил на работу, а мать и её родная сестра, дядюшкина жена Юля, оставались на хозяйстве. Но, однако, и насторожило, потому что за его спиной пряталось что-то похожее на человеческий облик. Оно, то выглядывало из-за дядюшкиного плеча и с любопытством изучало детей, собравшихся в кучку, то крутило заросшей головой по сторонам, пожирая все встречающиеся в избе предметы своими черными, как пули, глазищами. «Так, дети мои, Леокадия, Юлия, принимайте в нашу большую семью!» – С этими словами дядя Эдуард подтолкнул «человеческий облик» вперёд. «Да, Боже мой!» – всплеснула руками мать Вальки. – «Ну куда его нам, у нас самих большая семья, спать негде!» И она, безусловно, была права, так как в этой тесной избе проживало 15 человек. Но дядя Эдуард был непреклонен, он всегда был упрям, и в то же время очень добр. «Это Петька, будет жить у нас, он сирота, одним словом, беспризорник. Отмойте его. Одежду – сжечь, уж слишком ветхая и вся во вшах», – сказал спокойно дядя Эдуард.

Мальчишку звали Петр Инбулатов. Ему было десять лет, но по первому впечатлению ему все давали лет семь, так он был худ и бледен от недоедания, холода и вшей. На том и решили. Одним ртом больше или меньше – какая разница. Дети быстро нашли общий язык и день как бы сдвинулся в своем привычном ритме, но у каждого были свои обязанности по хозяйству и всё пошло своим чередом, оставив лишь лёгкое впечатление от увиденного. Но этим дело не закончилось и на следующий день дядя Эдуард привёл второго беспризорного, такого же

грязного, худого и вшивого. Его звали Митя, по прозвищу РКП. Никто не знал, почему его так прозвали и что это означает, но приняли данное событие как должное. Однако от матери Вальки, Леокадии, последовал вопрос: – «А где же они будут спать?» На что дядя Эдуард ответил, не задумываясь, как будто ждал его: – «Петька – сюда головой на лавке, а Митька – сюда». На этот раз уже никто не возражал. Прожили беспризорники в семье Вальки полных три года, Митька устроился на маслозавод и Петька туда же, где маслоделом работал дядя Эдуард. Валька пыталась вспомнить ещё о них что-нибудь, но дальше их след терялся.

...Валька очнулась от воспоминаний. Сколько времени прошло с тех пор как её увезли от семьи? Солнце клонилось к закату, на поля оседал туман, и назойливая мошкара все чаще напоминала о себе. Лошадь спотыкалась на ухабах неровной и бесконечно петляющей дороги, и телегу трясло и колотило, и казалось, что все внутренности Валькиного жалкого организма превратились в огромное месиво, которое бурлило и отдавало при каждой встряске нестерпимой болью. Валька вспомнила, что еще сегодня ничего не пила и не ела, но в сознании ничего не изменилось, лишь вновь нахлынули воспоминания. Валька вспоминала отрывки из её безвозвратно ушедшего детства, и с каждым таким мгновением ей было не так одиноко и печально ехать в скрипучей, с надрывно стучащими колёсами, телеге с вековым дедом по кличке Глухой. Почему-то вдруг вспомнилась мама, бедная мамочка, как только ей досталось в последние годы. Вспомнилось, как мама часто рассказывала долгими зимними вечерами собравшимся у тёплой печи детям о своей нелёгкой жизни, вспоминала истории своей и папиной семьи.

Глава 2

Переселение в Сибирь семьи Татаржицких

Мать Вальки, Леокадия Ивановна Татаржицкая, родилась 13 февраля 1887 года в городской семье. Уроженка городка Игумен Минской губернии была довольно образованная девушка по тем временам, знала три языка: русский, белорусский и польский. Проживала в Витебске с родителями Юзефой Францевной и Яном (Иваном) Михайловичем, вместе с братьями Адамом, Франусом и сёстрами Юлией, Аннетой и Катажиной. Семья арендовала землю и жильё у хозяина. В то время многие разорившиеся мещане питались продуктами от содержания хозяйства и урожаев с земли, которую брали в аренду. Когда же землевладелец прекращал сдачу земли, таким безземельным благородным семьям поневоле приходилось прибегать к переселению. У матери Вальки сохранились документы маршрута по железной дороге с перечислением городов, через которые семья направлялась к своему новому месту жительства. Свидетельство было выдано 26 июня 1897 года. В Сибирь мещанин Иван Михайлович Татаржицкий с семьёй прибыл 27 апреля 1898 года, получив пятьдесят рублей наличными на путевые расходы по проходному свидетельству. Поселились в посёлке Верхне -Уразайский Седельниковской волости, Тарского уезда, Тобольской Губернии, что расположился на реке Уразайке. Татаржицкие быстро нашли общий язык с остальными поселенцами. Достойное воспитание, уважение к культурным ценностям, которое формировалось на протяжении поколений, знание членами семьи трёх языков вызывало доверие и уважение среди старожилов. В то время отцу Леокадии, Ивану, было 45 лет, матери, Юзефине, 40 лет, а самой Леокадии - 12. Ещё в 1893 году переселенцы поляки-дворяне Минской губернии (а их съехалось немало) хотели оставить память о своей малой родине. Поэтому было решено просить власти о разрешении переименовать посёлок в Минский.

В 1908 году в Минском проживало восемь дворянских семей. А вот приставку «Дворянский» посёлок получил в начале 1909 года после ходатайства от имени всех земляков в Петербург о переименовании поселения в Минско-Дворянское. Но уже в начале 20-х годов решением советской власти посёлок был переименован снова в Минский. До 1893 года закреплённых земель за деревнями в Седельниковской волости не было. Каждый крестьянин сам подыскивал себе земельный участок, раскорчёвывал его, пахал и сеял. Впоследствии земельные наделы нарезались по количеству мужских душ в семье. Все, проживающие в Минско-Дворянске, трудились на своих пашенных полях как обычные крестьяне. Жили также трудно и без достатка. По рассказу Валькиной матери, бабушка, Юзефа Францевна, говорила, что их род дворянского происхождения и когда – то они жили в самой Варшаве. Жившие в Минско-Дворянске считали свои традиции и старались поддерживать традиционную духовность и культуру. Однако принадлежность к привилегированному сословию по их мнению, осознание своего высокого социального статуса и католическое вероисповедание, значительно ограничивали выбор брачных партнеров дворян-поляков.

Выбирали пару для дальнейшей жизни из своего круга. К тому времени породнились между собой семьи дворян Скуратовичей, Антоневицей, Юшкевичей, Лукашевичей, Радкевичей, Говелко, Муравских и семья, матери Вальки, мещанина Ивана Татаржицкого. Мать рассказывала, что родственники переехавшие в Сибирь, в Минской губернии когда-то давно владели земельными наделами, особенно много было земли у Юшкевичей.

Родители матери Вальки прожили в посёлке Минско-Дворянск совсем недолго. Не довелось пожить на сибирской земле Ивану Татаржицкому. Через три года после приезда умер

7 сентября 1901 года от продолжительной болезни, а бабушка, Юзефа Францевна, ушла из жизни после 1901 года. Схоронили их на местном кладбище, которое находилось в сосновом бору на высоком берегу реки Уразайки. В начале пятидесятих годов двадцатого столетия жители посёлка Минский начинают постепенно разъезжаться. Многие из родственников переезжают в село Нагорное, некоторые в города Тару и Омск. В 1979 году из посёлка уехал последний житель и Минский прекратил своё существование.

Глава 3

Переселение в Сибирь семьи Лапковских

Нелегко далась дальняя дорога в Сибирь многочисленной родне Вальки со стороны отца – Лапковским. Что удивительно, фамилия изменялась в написании несколько раз. По приезде в Сибирь фамилия писалась Лебковский, с 1892 года – Лобковский, с 1895 года – Лабковский, далее в православных метриках – Лопковский, Лапковский. Много мытарств и лишений выпало на долю семьи, пока она не освоилась на новом месте. Весной 1891 года будущий отец Вальки, Станислав Лапковский, отроду 10 лет, приехал в Седельниковскую волость вместе с отцом Михаилом Мартыновичем 33-ти лет, с матерью Адельфиной Михайловной 25-ти лет, с младшими: братом Францем, сестрой Антониной. Остальные братья: Эдуард, Иван, Александр, и сестра Татьяна – родились уже в Сибири. Станислав родился в деревне Володута, где и жила его семья.

Семья Лебковских (тогда фамилия их писалась именно так) выехала из города Игумен Минской губернии в Тобольскую губернию в составе семьи своего отца Мартына Николаева Лебковского и его брата Фомы Николаева Лебковского. Выехали они вместе с другими переселенцами по паспортам и считались самовольными переселенцами из внутренних губерний Российской империи. Путь их лежал через Тюмень, Усть-Ишим и далее в Барнаульский округ на свободные земли. Но в июле 1891 года многочисленные семьи минских переселенцев оказались в пределах Тобольской губернии и остановились в селе Слободчиковском Тарского уезда, которое располагалось близ Усть-Ишима. Многие из этих семей давно знали друг друга, а некоторые даже были скреплены родственными узами. Пережив зиму в Слободчиках, семьи изрядно истратились, и возможностей отправиться в дальнюю дорогу в сотни вёрст до Томской губернии совсем не осталось. Кроме того по всему селу упорно ходили слухи и обещания местных чиновников, что землю будут выдавать в Тарском и других уездах переселенцам, прибывшим в Тобольскую губернию до 1 января 1892 года. Подтверждал это и знакомый земляк Январий Степанов Климович, проживающий уже в Сибири более двух лет. После долгого совещания главы семей решили посетить волостное село Седельниково, где несколько десятков лет жили знакомые земляки, сосланные за участие в польском восстании 1863 года. Последние попытки дальнего и трудного пути оказались самыми тяжёлыми. Ведь ехали с живностью, с домашней утварью и скарбом, малыми детьми. За всю дорогу изголодались, обносились, намучились.

После долгих мытарств Лапковские и их родственники только к середине лета 1892 года, уже изрядно износившиеся, прибыли в село Седельниково и сняли у своих знакомых ссыльных земляков угол. Поселились в доме пятидесятилетнего Адама Грудзинского, чей отец Антоний вместе с семьёй в 1864 году был выслан в Сибирь и, оказавшись в ссылке в Нижнеколосовской волости Тарского уезда, переехал в 1880-х годах, в тогда ещё деревню Седельниково, относившуюся к Бергамаской волости. Первое время, чтобы как – то выжить, занимались в работники, посылали старших сыновей на заработки, доедали остатки провизии, привезённой с собой. К осени, узнав о свободных участках земли, решили переселиться в посёлок Минско-Дворянск, тогда много семей поляков собралось в этом посёлке. Однако желаемого переселенцами участка выделено не было. Им предложили другие земли на участке при озере Тюргеуль. Он оказался вполне удобным, располагался недалеко от волостного центра села Седельниково и других деревень. Только весной 1893 года семья Лапковских смогла обосно-

ваться на новом месте. Задержка на полгода в выделении земельного участка произошла из-за первоначальной неправильной распланировки и его отвода.

Слишком близко были отмерены первые участки к природоохранной зоне, что привело бы к гибели питьевое озеро. Через некоторое время, найдя лучшие земли у большого озера, договорились с землемером нарезать куски по числу мужчин в семье. Получились хорошие наделы. Земли Лапковских были и недалеко от озера и вдоль дорожного тракта. Довольные хорошим исходом дела, они назвали новоявленную деревню в честь землемера – Богдановкой. Это было летом 1893 года.

Семья Лапковских и их родственники поселились на берегу большого озера Тюргеуль. За озером, в противоположной стороне новой деревни, были болото и тайга, а по эту сторону – ровная местность с пахотными и сенокосными угодьями. С момента приобретения земли Лапковские стали поправлять своё хозяйство. Были среди них мужики, бережливые до скупости, мастеровые, работающие, грамотные, со смекалкой. Постепенно с налаживанием жизненного уклада на новом месте, находили время навещать родственников, встречаться на крестинах, свадьбах, похоронах, а также на службах у приезжего ксендза. Лапковские по приезду в Сибирь подружились с семьями Муравского Иосифа и Адама Антоневица, проживающими в посёлке Минско – Дворянском. Там и свела воедино жизнь семьи Лапковских и Татаржицких. Двое родных братьев, Станислав и Эдуард, взяли в жены двух родных сестёр, Леокадию и Юлию. 16 февраля 1903 года Станислав Михайлович Лапковский, двадцати лет от роду, обвенчался с Леокадией Ивановной Татаржицкой, семнадцати лет от роду. Молодую жену Станислав привёл в отчий дом, где они и жили вместе с родителями, братьями и сёстрами и их семьями долгое время.

Отец Станислава, Михаил Мартынович, занимался крестьянством, а Аделина Михайловна лечила людей травами и заговорами, слыла среди народа известной знахаркой, и к ней приезжали со всего уезда. Аделина Михайловна, урождённая Юшкевич, была потомственной дворянкой, но, живя в большой семье Лапковских, научилась у свекрови Михалины многому, в том числе лечению травами. Когда Михаил Мартынович умер, а это произошло 23 февраля 1910 года, то оставил после себя жену-вдову и восьмерых детей на попечении старших сыновей и их семей. Сама же Аделина Михайловна пережила своего мужа на 17 лет и умерла от парализации. Родители Станислава были похоронены на кладбище в деревне Богдановка.

Глава 4

Изгнание

Семья Лапковских в то время считалась крепкой зажиточной семьёй. Через некоторое время после свадьбы, а точнее осенью, Станислава призвали на действительную службу в Императорскую Российскую армию, где он отслужил три года и, вернувшись домой, продолжал состоять на военном учете как военнообязанный. По приходу из армии Станислав устроился в селе Седельниково волостным писарем, что дало семье дополнительный заработок. Молодые могли позволить себе хорошо одеваться, а знакомство с богатыми людьми предполагало общение в своём кругу, что позволяло по выходным ездить в гости к коменданту города Тара. Леокадия очень хорошо пела, носила элегантные платья, шерстяные юбки, делала высокие причёски.

Валька вспомнила выходное платье матери, приталенное, из тяжёлой шерсти, стоячка воротничок и гипюровая оторочка на груди. Она мечтала иметь точно такое же.

В 1906 году в семье Станислава и Леокадии родилась первая дочь – Станислава. Следом в 1907 году родилась Стефания. В 1912 году родился долгожданный сын, назвали Петром. Жизнь была в радость, семья разрасталась, и молодые думали, что так будет всегда. Но приближались грозные времена, при которых никогда уже не вернулась прежняя привычная жизнь.

В июле 1914 года Станислава призвали на фронт. Началась Первая мировая война. Леокадия Ивановна осталась одна с тремя детьми в семье свекрови. Не хватало мужских рук, и все полевые работы, содержание скота упали на хрупкие плечи молодых снох, из которых Леокадия была старшей и ко всему прочему носила под сердцем ребёнка. Переживания за мужа и непосильный труд оказали своё влияние на беременность. Девочка Александра родилась инвалидом. В это время в деревне насчитывалось около 54-х дворов. Ярмарка, церковь, школа находились за 8 верст в селе Седельниково, поросли строевого леса, из которого рубили избы, – в 12 верстах, врачебный пункт – в 68 верстах.

По рассказам матери, Леокадии Ивановны, Станислав Михайлович на войне дослужился до старшины, однако, там, на фронте, вступил в партию большевиков, как и многие фронтовики. Когда после ранения в 1916 году вернулся домой, жена слёзно просила его выйти из партии, опасаясь за жизнь своей семьи. В те смутные времена семья Лапковских жила как середняки. Собирали хорошие урожаи. Держали много разного скота. Имели кое-какую примитивную механику (плуг, сеялку, борону), работали не покладая рук. Их большой семье приходилось несладко, отец был служащий и находился с утра до позднего вечера на службе, а маме забот хватало: воспитание детей, стирка, приготовление пищи, огород, хозяйство. Отца Вальки, Станислава, уважали и звали паном за его грамотность и доброту. Люди постоянно обращались к нему за помощью написать ли жалобу, прочитать новости из газет. Он был на редкость добрейшей души человек, очень любил детей, но времени уделял им мало, всегда был занят. Отец Вальки так и работал писарем в селе Седельниково, а дядя Эдуард маслоделом на маслозаводе у их дяди Адама Мартыновича, который и обучил Эдуарда хитростям и тонкостям маслодельного ремесла и перед самой революцией открыл свой завод в Богдановке. Семейство Лапковских всё расширялось, пополняясь новыми членами, основную часть которого составляли малолетние дети. В конце декабря 1916 года родилась девочка, назвали Валерией, но при жизни все звали её просто Валька. Пережили Лапковские и революцию, и колчаковщину.

В 1917 году началась гражданская война. А в 1918 году в Омске был избран Верховный Правитель России – Колчак А. В. Режим военной диктатуры принес хаос, ожесточение и обнищание в сёла и деревни. Тяжело приходилось всем сельским жителям в те времена, контрибуции, налагаемые на крестьян, карательные экспедиции, выжигание целых сёл, расправы в городе, порки на селе приводили в ужас население. Валька вспомнила: – Мама рассказывала, когда отряды белогвардейцев проходили через деревни, отбирали лошадей. Так в деревне Евлантьевка были расстреляны на виду у всей деревни для устрашения крестьяне Столбов и Подкорытов, которые не хотели отдавать последних лошадей. Пришли смутные, страшные времена, когда сын шёл против отца, а братья находились по разные стороны противостояния.

Средний брат Станислава, Иван пошёл служить в белогвардейскую милицию при правлении Колчака. В канун новогодних праздников 1918 года группа восставших активистов во главе с Артёмом Избышевым совершила налёт на белогвардейскую милицию с целью выкрасть оружие в селе Седельниково. В перестрелке и был убит Иван. А было это так: в эти часы в Седельниково в здании местной школы проходил предновогодний концерт. По воспоминаниям племянника А. Избышева Ефима, на празднике присутствовало всё волостное начальство, в том числе и начальство милицейское во главе с начальником милиции Городницким, квартира которого находилась в том же здании, что и милицейское управление. «Жена начальника милиции, которая по каким-то причинам не пошла на концерт, увидела, как из помещения милиции неизвестные выносят оружие, и сообщила об этом мужу. Все милиционеры и часть гражданских лиц бросились из школы к зданию милиции. Ефим Избышев побежал вместе со всеми с целью предупредить своего дядю об опасности, но его обогнал милиционер Лапковский, который первым взбежал на крыльцо, но выстрелом из распахнутой настежь двери был убит». Ивану было всего 25 лет. Он ещё не успел обзавестись семьёй. Валька вспомнила, как мама, Леокадия Ивановна, говорила, что они с отцом хорошо знали Артёма Избышева. Он был родом из села Седельниково. Во времена белогвардейского движения Избышев поддерживал связь в деревне Богдановка через Станислава Михайловича и его брата Эдуарда. Связными была одна семья из деревни Сухимки. Явочная квартира находилась в доме у Лапковских.

Большая семья братьев Лапковских прибавлялась ребятишками. В 1918 году у Станислава Михайловича и Леокадии Ивановны родился долгожданный второй сын Владимир, в 1920 году родилась дочь Виктория. После окончания гражданской войны разорение и голод пришёл в Россию, и упали тяжёлым бременем на плечи крестьян. Начались продразверстки. У крестьянства забирали всё подчистую, называя это излишками. Но в конце 1921 года на смену продразверстке был вменён продналог. У крестьянина забирали не всё, а только часть, что позволяло как – то выживать. Жили братья Лапковские вместе, вели общее хозяйство, так было легче прожить, считали они. В 1922 году крестьянство стало наконец-то подниматься на ноги. Это стало возможным только через самоотверженный и тяжелый труд людей, которые большими семьями работали и день, и ночь, добывая свой нелегкий хлеб. Хозяйство укрупнялось, да так, что возникла необходимость в 1924 году нанять для работы батраком Викентия Протоповича. Как потом размышляли взрослые между собой – это в дальнейшем и перевернёт круто судьбы их семей. В этом же году родился у Станислава с Леокадией третий сын – Павел. А в 1926 году родилась последняя дочь – Ева, при жизни все звали её Веля.

В деревне Богдановка проживали многочисленные родственники как самих Лапковских, так и их дальняя родня. Поэтому получалось так, что несколько родственников постоянно избирались в разные времена членами Богдановского сельского совета. Станислав Михайлович во времена Советской власти, работавший писарем в районном исполнительном комитете, в 1927 году был избран секретарем сельского совета в д. Богдановка. И этому он был очень

рад. Уж больно много уходило времени на дорогу в село Седельниково и обратно, да и поближе к своей большой семье, хозяйству.

Валька помнила, что в начале 1928 года, отец Станислав и его брат Эдуард решили отделиться от совместного имущества. Об этом они часто рассуждали и спорили при детях. На то время у семьи Валькиного отца насчитывалось 8 душ. Каждый из братьев получил половинную долю имущества. Но всё равно ещё два года они вели совместное хозяйство, молотили зерно, имея каждый по полпая, применяя при этом смекалку и хитрость для жесточайшей экономии. До создания колхозов на селе организовывались кредитные товарищества, где давались в кредит конные грабли, сенокосилки, молотилки и плуги. Лапковские взяли технику в кредит. Молотилка была четырёхзубовой, изготовленной на заводе «Серп и Молот». К ней Валькин отец, Станислав, с братом Эдуардом, приделали кустарный пароконный привод, и в таком комплекте молотилка могла измельчать от 8 до 12 возов в день, а приходилось на ней работать не более четырех дней. Осенью приработок от измолота составлял 3 рубля в день. Помогали братья и беднякам обмолачивать зерно, за эту работу денег не брали. Но наступали времена коллективизации. Тогда-то богдановские зажиточные мужики, в том числе отец Вальки, Станислав и его родственники были сначала против коллективизации. Об этом они выступали открыто на общих собраниях, что в какой – то степени и спровоцировало дальнейшие события, когда их объявили кулацко-зажиточной частью деревни. Припомнили Станиславу и Эдуарду, что они вели совместное хозяйство, хотя и разделились, при этом держали батрака до 1929 года.

В протоколе собрания богдановской ячейки ВКП (б) от 11.05.1931г сообщается, что Лапковский Станислав Михайлович, бывший старшина с 1914 по 1916гг, с 1925 по 1929гг занимался эксплуатацией батрачества и растранижением крупного рогатого скота (в 1927году было 10 голов, а в 1929году КРС не было, а осталось только 5 голов молодняка).

Но когда стали создавать колхоз в 1930 году, отец Вальки и дядя Эдуард записались в него самые первые. Назвали колхоз «им. Карла Маркса», куда и сдали скот, а затем и всю купленную в кредит сельскохозяйственную технику. Вот с того времени всё и началось. Матушка рассказывала, что в апреле 1930 года председателем сельского совета был избран двоюродный брат отца Станислава 23 летний Лапковский Константин Адамович. Он был из зажиточной семьи – грамотный. В то время избирать – то не из кого было, грамоту мало кто знал. В состав рядовых членов сельского совета входили и другие родственники со стороны Лапковских, порядочные, уважаемые в деревне. Когда Константина избрали председателем сельского совета, он женился и отделился от своего отца. В деревне ему посоветовали забрать участок земли под строительство дома, принадлежавший некогда одному немощному старику, по фамилии Тамчук, который по старости своей не мог обрабатывать этот участок один. Земля не использовалась, зарастала сорняками, бурьяном. Сын его переехал в город Омск и устроился на завод. Старик пожаловался сыну, что дескать участок отобрали, а тот неплохо разобрался в политической обстановке и решил отомстить. Вернувшись в деревню весной 1931 года, начал подстрекать людей против зажиточно живущих семей, в том числе и Лапковских. Собирались мужики и бабы на посиделки и выкрикивали своё недовольство, разжигая тем самым злобу и зависть. Там были составлены письма с подписями недовольных, и через знакомого из ОГПУ организовали арест семей Лапковских.

Воспоминания вдруг резко отхлынули, реальность встала перед глазами. Телега скрипела и подбрасывала Вальку на ухабах и ямах, заставляя её крепче держаться за края. Она начала фантазировать, чтобы отогнать от себя нахлынувшие неприятные воспоминания: – «Эх, была бы вместо разбитой телеги сейчас карета!» Промелькнула мысль: – «Карета! Карета!» Что – то знакомое крутилось в голове: – «У церкви стояла карета, там пышная свадьба была...

Мамина любимая, – с таким нежным трепетом подумала Валька и тихонько запела – Здесь гости нарядно одеты, невеста всех краше была».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.